

Соня Василевская

Прокурор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51707052

SelfPub; 2020

Аннотация

Владимир Назаров находит на улице труп и становится обвиняемым в убийстве. Так происходит его первое знакомство с прокурором Самохиным. Самохин представляет собой продажного чиновника, который вершит правосудие в обход закона. На выручку Владимиру приходит жена Катя, но и она попадает под власть Самохина. Чем же разрешится этот конфликт и как Владимиру доказать свою невиновность? Время действия – начало нулевых, Москва.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Пролог

Погода в этот день не баловала с самого утра. До вечера лил дождь, дул восточный ветер, сменивший к вечеру свое направление на северное. Стояла середина октября.

Владимир Назаров в этот промозглый вечер провожал на поезд мать, живущую в Крыму. Посадив старушку на поезд, он автобусом добрался до своего дома в Выхино-Жулебино на улицу Академика Скрябина.

Двор, в котором проживает Назаров, был хорошо освещен уличными фонарями. При их серебряном свете отражались дождевые лужи, и возле одной из них, у самой обочины тротуара в стороне детской площадки Владимир заметил странные очертания человеческой фигуры. Заподозрив дурное, а более из любопытства, Владимир на свой страх и риск подошел ближе.

Человек лежал ничком, одну руку вытянув вдоль тела, а вторая была согнута на уровне головы и попала в лужу. Одет он был в телогрейку, тёплое спортивное трико и черную кепку, на ногах – домашние тапочки. Именно по их наличию Владимир решил, что человек, должно быть, местный. И смело перевернул лежащего.

И ужаснулся от того, что увидел. Человек был не только не знакомым, но и вдоль горла у него зияла черная, заплывшая кровью дыра, а в сердце по самый черенок был вогнан маленький, с тонким лезвием нож. Лужа крови, незаметная

в темноте, слилась с дождевой лужей и местами впиталась в песок.

Часть первая

Глава 1

Владимир запыхавшись прибежал домой и вызвал милицию. Услышав про труп, жена Катерина пристала с расспросами.

– Там человека убили, Катюша, – наскоро поведал муж и открыл дверь, чтоб уйти из квартиры.

– Ты куда? – забеспокоилась Катя.

– На улицу. Подожду наряд там. Все равно ведь пойду как свидетель.

– Я с тобой...

– Не надо, родная. Ты можешь испугаться. Я же во дворе буду...

Ночевать муж в эту ночь не явился. Катерина легла спать без него, полагая про себя, что, может быть, Володю забрали для дачи показаний, но, проснувшись среди ночи от непонятной тревоги, она так и не обнаружила его дома и поняла: Володя не приходил. Утром Катя пошла в уголовный розыск.

Говорила она с самим начальником угро, полковником милиции Мазуром Анатолием Вячеславовичем. И ответ, полученный от него, Катю ошеломил: в точности описав внешность мужа – высокого роста русоволосый мужчина с мягкими зелено-голубыми глазами, одетый в черное пальто и ша-

почку-«горшок», – она услышала, что Владимир находится здесь, в отделении, в изоляторе временного содержания, а попросту – в ИВС. Мазур также добавил, что они ожидают приезда прокурора округа – арестовать Владимира.

– За что? – испугалась Катя.

– Ваш муж убил человека, – неласково пояснил ей Мазур. – Присядьте, в ногах правды нет.

Катя села.

– Вчера ваш муж был взят с поличным на самом месте преступления. И к тому же вел себя очень активно, явно пытаясь помочь опергруппе, из чего следует прямой вывод: так подозрительно себя может вести только убийца.

– Какая ерунда! – насмешливо сказала Катя.

– Теперь это будет устанавливать следствие. Я же вам скажу только, что ваш муж уже написал явку с повинной.

– Как? – вспыхнула Катя. – Этого не может быть!

– Хотите взглянуть?

– На Володю? Да, хочу! Я хочу увидеть мужа.

– Ну знаете... У меня тут не комната свиданий, а изолятор для задержанных. Так что извините, Екатерина... как вас по отчеству?

– Александровна, – Катя ответила послушно.

– ...Катерина Александровна, в наших условиях свидание не положено, а разговор окончен. – Мазур поднялся и тактично проводил Катю за дверь.

А там она увидела высокого и крепкого мужчину в синем

с погонями мундире и с кейсом в руке. Он направлялся к выходу, но по пути кому-то сказал: «Назарова я арестовал, завтра к нему в Матросскую тишину придет мой следователь». И Катя поняла, что это прокурор, тот самый прокурор округа, о котором недавно упоминал Мазур.

– Товарищ прокурор! – закричала Катя, быстро зашагав ему навстречу. – Извините, я не знаю, как вас зовут. Я Катя, жена Владимира Назарова. Скажите, за что арестован мой муж?

Прокурор эффектно повернулся на каблуках своих модных туфель, заглянул Кате в глаза и обратился к проходившему мимо майору:

– Товарищ майор, почему вы не объяснили гражданке, за что арестован ее муж?

Майор подошел ближе:

– Прошу прощения, Олег Дмитриевич?

– Почему вы не сказали гражданке, за что арестован ее муж? – Прокурор как будто издевался.

– Какой гражданке? – не понял майор.

– Вот этой, – грубо и раздраженно прокурор указал на Катю.

– А кто она?

– Назарова Катерина, – назвалась Катя.

– Тьфу ты! – отреагировал майор. – Эта гражданка, похоже, желает последовать за своим мужем. Она нам сегодня все утро надоедает. Сделайте доброе дело, Олег Дмитриевич, за-

берите ее отсюда.

Тем временем из своего кабинета вышел Мазур. Увидев Катю, а с ней рядом прокурора и майора, полковник возмутился:

– Товарищ майор, почему эта гражданка до сих пор здесь? Немедленно проводите ее из отдела!

Катя торопливо покинула отдел.

Отойдя от крыльца несколько недолгих шагов, она вдруг услышала позади себя свое имя. Катя оглянулась: ее муж Владимир вырывался из свирепых лап конвоя, сопровождавшего его в воронку. Бедная женщина со всех ног бросилась к мужу, увидела на нем наручники.

– Володенька, Вовчик-зайчик, что они с тобой сделали?

– Катюша, милая, они вешают на меня убийство, но я не виноват. Я никого не убивал, Катенька, верь мне! – Его силком затолкали в воронку, и Катя расслышала уже глухие слова, которые муж кричал ей сквозь оконную решетку.

– Я знал, что ты придешь за мной, Катя!

Глава 2

Его привезли в СИЗО-1 «Матросская тишина». Сняли отпечатки пальцев, сфотографировали в профиль и в анфас, а затем отправили на медосмотр. Владимиру стало до слез обидно: с ним обходятся как с настоящим преступником. Он, безвинный человек, идет их же путями, и с ним обращаются, все делают как с отъявленными бандитами. Зачем он

здесь вообще?

Тяжёлая металлическая дверь за Назаровым с грохотом захлопнулась. Новоприбывший с низко опущенной головой нерешительно топтался в проходе, никак не зная, что ему теперь делать. Скоро дверь опять открылась, и он получил постельное бельё. Владимир продолжал всех игнорировать, однако чувствовал, как его разглядывают. Наконец, где-то рядом его приветливо окликнули:

– Ну, приятель, здорово.

Владимир вздрогнул, поднял глаза на голос и ответил тихо, но внятно:

– Здравствуйте.

– Проходи, раз уж пришел, – вежливо пригласил и второй голос.

– Куда?– спросил Владимир.

– Ко мне давай, – повторил тот же голос. – Сюда.

– А вы кто?

– «Петух» он, – раздалось откуда-то от окна, после чего там же заржали.

– Вася меня зовут, будем знакомы, – сказал пригласивший, никак не отреагировав на обидное слово.

– Володя.

С кровати, расположенной у самого окна, с верхнего яруса ложа на Назарова сначала уставился ядовитый и ощутимо неприятный, но пристальный взгляд еще одного обитателя этой камеры – грозного мужика с наколками на шее, плечах,

руках и груди, затем мужик слез со своей шконки и поковылял встретить гостя.

– За что попал?

– Ни за что, – ответил Владимир.

– Ясно: как мы все. Мы тут все просто так сидим, – повторил мужик властно, – ну, а статья какая?

– 105 ч.1 (Сто пятая часть первая).

– Вау: мокруха, значит! Кого порешил?

– Говорю же: никого.

Грозный мужик принял еще более устрашающий вид.

– Слышь, мужик, ты не заливай, а отвечай по теме. И вообще, с сегодняшнего дня меня будешь слушаться, как верный пес: я здесь пахан.

От окна снова послышался залиvistый рогот.

– Круто, Лелик! Пахан! Мне это нравится! Просто закачаешься! – И потом, уже успокоившись, парень добавил: – А че, ты вошел в роль, тебе идет!

– Угомонись! – по-прежнему властно гаркнул в свою сторону Лелик и продолжил допрос Назарова:

– Так кого ты порешил?

– Мужчину, – скупое ответил тот. Пахан остался доволен.

– А-а, то другое дело. Живи тогда спокойно, но вон туда, – Лелик указал на окно, – без моего разрешения не суйся, там моя территория. – С этим он отвалил.

Владимир, устроившийся на шконку рядом со своей, спросил у Васи, кто такой пахан.

– Старший по хате, по камере значит. Но Лелику ты не верь, врет он. Паханом у нас Лазарь, но он сейчас в больничке. А места своего никому не уступал.

– А Лелик сам-то кто?

Василий рассказал, что место у окна – квадрат – облюбовали себе блатные в «хате», рецидивисты с большим стажем. Это была их территория, и никто из обитателей камеры не имел права входить туда без разрешения. Блатные же, и особенно пахан, имели право на все. Правда, угол у блатных ничем огорожен не был.

Рецидивисты дулись в карты, нарды и домино, а бывало, что и шансон орали. Огрызались с администрацией изолятора и демонстрировали над сокамерниками свое превосходство, но в принципе никого не трогали и не вредничали, держались между собой сплоченно, а с остальными – обособленно.

Кроме блатных и рецидивистов в камере содержались также первоходки, но лица виновные, взаправду совершившие преступления. В том числе и Василий Рыбаков – его обвиняли в причинении менее тяжкого вреда здоровью, т.е. вреда, для жизни не опасного и не повлекшего тяжких последствий, но вызвавшее длительное расстройство здоровья на срок до четырех месяцев. Васе маячили исправработы. А были ли здесь такие, как он сам, Владимир Назаров не знал.

Половина второго – время в МЛС для обеда. К этому времени Владимир познакомился уже с большинством, насе-

лявшим его камеру, и скоро перестал опасаться окружающих его людей. Хотя где-то в подсознании, конечно, оправданное чувство боязни не проходило.

Обед раздавали в маленькое дверное окошко. Сегодня была пшеничная каша с куском вареного мяса, а сверху лежал кусок черного хлеба – пайка строгой тюремной нормы. Все это компактно умещалось в глубокой алюминиевой миске. Лучший друг Василий получил две порции, одну отдал Назарову. Следом пошла раздача кружек с незнакомым Владимиру компотом. Новые друзья уселись на кровати Василия и вкусили казённых харчей. Только Рыбаков ел привычно, а Назаров поморщился и первую ложку каши жевал чересчур долго. Вася это заметил и понял реакцию друга.

– Привыкай, Вован! Кто знает: может, тебе долгие годы придется хавать такую баланду.

– Туфта! – подал голос кто-то из блатных, – хавка на киче хорошая! Съедобная. Иначе почему я, вы думаете, уже пятый раз суда жду?

Назаров ничего ему не ответил, молча продолжая пресный обед. В отличие от остальных, которые наяривали, будто с голодного края, он ел медленно и скромно, точно стесняясь. Сокамерник с кровати напротив, потихоньку наблюдая за ним, не выдержал:

– Ты ешь быстрее, а то остынет.

Владимир поднял на него глаза: это был приятной наружности мужчина средних лет, русоволосый, с открытыми се-

рыми глазами. На лице читалась доброта и покладистость.

– А тебя как зовут? – самостоятельно спросил Владимир.

– Борисом, – ответил тот.

– И за что ты здесь?

– За кочан капусты.

– Это как?

– А как бывает? Сам я парень деревенский, хозяйки у меня нет, а сеять капусту я не умею. Ну, залез к сварливой тетке в огород. С того все и началось. Она ж, чертовка, меня еще связать сумела. Одна причем. А тебе убийство вешают?

– Вот именно, что вешают: я никого не убивал. – Владимир рассказал свою историю.

– Никогда нельзя так делать, – отозвался на этот рассказ Лелик. – Не надо было дожидаться ментов возле жмура, а пришел домой, позвонил – и ни гу-гу. А то создавал подозрение, топчась рядом и активно участвуя.

– Вот из-за такой лажи мужик себе всю житуху испогабил, – слышалось от окна, но прозвучало это не как обращение к кому-то, а как разговор друг с другом.

Наконец, обед закончился, и зеки продолжили заниматься своими делами. Назарова позвали к окну, в квадрат рецидивистов.

– Ты в нарды играть умеешь? – спросил Лелик.

– Нет, – ответил Владимир.

– Ну, садись вот тут, будем учить. Ой, забыл: ты ж у нас

еще без погоняла¹ ходишь...

Так Владимир стал Банзаем.

Глава 3

В течение трех дней, прошедших после этапирования мужа в СИЗО, Катя узнала, что его дело расследует окружная прокуратура, а расследование взял под свой личный контроль прокурор ЮВАО Олег Дмитриевич Самохин. К нему-то на прием и записалась сегодня Катя Назарова.

На приеме она была первой.

– Здравствуйте, – сказала Катя в дверях. – Мне можно войти?

И услышала в ответ:

– А-а, это вы подходили ко мне в милиции и спрашивали про мужа! Я вас помню, как и всякого, кого вижу впервые. Ну, проходите.

Катя вошла. Самохин сразу отметил, что женщина она красивая: среднего роста, крашенная в бордо, с ласковыми круглыми глазами, с румяным, припудренным личиком и маленьким, аккуратным носиком. Синие глаза как-то по-особенному выдавались из-под естественно черных ресниц. Катя волновалась, и румянец на ее щеках алел все больше, придавая лицу совсем уж кукольный вид. По годам ей было не более тридцати.

Разглядев Катю внимательней, Самохин предложил ей снять верхнюю одежду, а когда Катя стала раздеваться, он

---

¹ Прозвище (жарг).

счел нужным помочь ей. И повесил ее пальто на вешалку рядом со своим, заметив про себя, что более красивой и милой женщины он уже давно не встречал.

– Присаживайтесь, – сказал Самохин. – Как ваше имя-отчество, простите?

– Катерина Александровна.

– Катерина Александровна Назарова, верно?

– Да.

– Что ж, отлично, вот и познакомились. Теперь я вас слушаю. Что за дело у вас ко мне имеется?

– Олег Дмитриевич, я хочу знать, почему мне не разрешают видаться с моим мужем?

– Он у вас в СИЗО?

– Да.

– Тогда все просто, уважаемая... можно просто Катерина?

– Александровна, – резко повторила Катя.

– Ладно, будь по-вашему, Александровна так Александровна. Вернемся к проблеме. Во-первых, закон не позволяет лицам, находящимся в предварительном заключении, видаться с близкими и получать от них письма, только передачи; во-вторых, я лично контролирую расследование по делу вашего мужа, и следователь, который расследует убийство, совершенное вашим мужем, доложил мне на неделе, что Владимир Назаров отрицательно ведет себя в заключении, в связи с чем администрация изолятора вправе наказать его в виде тех же запретов на свидания.

– Но в тюрьме же свидания с родственниками разрешены.

– Тюрьма – это совсем другое. Вы знаете, чем тюрьма отличается от изолятора?

– Чем?

– В тюрьме содержатся лица осужденные, вина которых доказана, а СИЗО – мера скорее профилактическая. Вот я усмотрел в вашем муже опасного преступника и потому счел нужным взять его под стражу, чтобы он еще кого-нибудь не убил. На суде ему срок, проведенный под стражей, зачтется в срок отбытия наказания.

– Володя никого не убивал, черт возьми! – крикнула Катя, вскочив со своего места.

Самохин и бровью не повел, смотрел на Катю чуть прищуренным правым глазом.

– Да? А кто это докажет? За время двухнедельного следствия так и не было найдено ни одного свидетеля оправдания.

– А обвинения? – Катя опять села.

– На этот ваш вопрос, дорогая Катерина Сановна, я ответить не могу. На него нет ответа, потому что он из области тайны следствия, а она, да будем вам известно, разглашению не подлежит.

– Неужели я так и не увижу Володю, пока он в неволе?

– Боюсь, что нет.

– Но Васянович – начальник изолятора – сказал мне, что прокурор, под чьим надзором находится дело обвиняемого,

в исключительных случаях может похлопотать о свидании.

– Я не начальник изолятора и не отвечаю за это учреждение, – возразил Самохин. – И какой у вас исключительный случай?

Катя не знала, что ответить, поэтому не смогла ничего придумать.

– Молчите, – произнес Самохин, – чрезвычайных причин нет. В таком случае нам пора закругляться – у меня ведь вы сегодня не одна. – Он нажал кнопку селектора. – Анастасия Викторовна, ко мне ещё есть кто-нибудь?

– Пока два человека, Олег Дмитриевич, – ответила секретарь.

– Я не перестану обивать ваш порог, пока не добьюсь своего.

Катя поднялась со стула и пошла к вешалке прямой походкой. Спинка, как струна, округлые, пышные формы и ножки – ровные, форменные, будто выточенные... Самохин разделвал ее взглядом, не отводя глаз, следил за каждым Катиным шагом и движением, медленно измеряя ее глазами с ног до головы. Катя, напротив, не обращала на него внимания.

Глава 4

– Ну-с, Владимир Сергеевич, так как же: будете вы что-нибудь говорить или нет?

– Лучше я промолчу. Зачем что-то говорить и оправдываться, если вы мне все равно не верите? – Владимир Наз-

ров сидел напротив следователя в комнате для свиданий, но совсем не смотрел на него. Взгляд его выражал полную апатию к допросу, взор был туманным, глаза пусты. За третью неделю своего пребывания в СИЗО он уже от всего устал.

– Основание не верить подследственному, уважаемый Владимир Сергеевич, право следователя... Хочу – верю, хочу – нет, тем более что у меня есть причины не верить вам.

– А можно узнать, какие?

– Улики, главным образом. И прямая улика вашей виновности очевидна: вас взяли на месте, как говорят, тепленьким.

– А почему вы исключаете ту возможность, что я труп просто случайно нашел?

– Кто может подтвердить, что так оно и есть на самом деле? Есть у вас хоть один свидетель этому?

– Не знаю.

– Вот видите: вы не знаете, чего и следовало ожидать! А если бы...

– Искать свидетелей – не моя работа, – перебил Назаров горячность следователя. – Послушайте, Игорь Андреевич, если вы пришили целую статью, если я в ваших глазах обвиняемый, то почему мне до сих пор не дали адвоката? Я, между прочим, здесь уже третью неделю нахожусь.

– Ошибаетесь, Владимир Сергеевич, вы здесь не по чьей-нибудь милости, а только по своей собственной, не иначе! А хороших адвокатов у нас нет – перевелись все. А плохой вам и самому не нужен, разве я не прав?

От внезапно накотившей на него обиды Владимир готов был заплакать прямо при Пономареве. Почему с ним так обращаются? Зачем выбивают признания, если и сами прекрасно знают, что ему не в чем признаваться? Интересно, есть ли действиям Пономарева какое-нибудь научное название в процессе следствия?

– Да. Вы правы, Игорь Андреевич. Но я же имею право на защиту?

– Имеете, не спору. Но сперва давайте перейдем к делу, Владимир Сергеевич. Итак, вы по-прежнему будете утверждать, что раньше никогда не знали убитого гражданина Михалевича?

– Никогда.

– Хорошо, допустим. Но, однако ж, вы убили его. Что вас побудило убить его? Назовите мотивы преступления или, так и быть, мотив.

– Я не буду отвечать без своего адвоката! – Владимир перешел в наступление. – Либо вы мне предоставите защиту, либо я молчу!

– Вот: «молчу»! А в принципе, вам есть что сказать. Но не хотите говорить – что ж, это ваше право. А, я понял, Владимир Сергеевич: вы заговорите в присутствии адвоката. Хорошо. Я предоставлю вам защитника – вытащу его из какой-нибудь помойки, но при том условии, что вы признаете свою вину.

От такой наглости Владимир обалдел. Глаза у него вдруг

заблестели каким-то нездоровым блеском, в носу защекотало. Захотелось вдруг зарыдать в голос и не останавливаться. Он весь затрясся. Его внезапно объял невообразимый ужас.

– Это невозможно, – закричал он, – невозможно! Я никогда на это не пойду!

– Почему же нет, Владимир Сергеевич? Я ведь ради вас стараюсь. Знаете ли вы, что признание вины смягчает приговор?

– Чьей, чьей вины, скажите мне, наконец? Как хотите, я ваши условия не приемлю!

– Что ж, мне все равно, это вам надо, – Пономарев начал собираться. – Я по-прежнему буду настаивать на вашей виновности и все улики обращать против вас. А улики, поверьте мне, будут, я обещаю. Я от вас теперь долго не отстану.

Глава 5

Такие женщины, как Катя Назарова, Самохину, конечно, нравились и на жизненном пути не попадались давно, но раньше Кати в душу окружному прокурору запала еще одна женщина, Дарья Кирилловна Киселёва, ныне находившаяся в заключении в том же СИЗО «Матросская тишина», что и Владимир Назаров. Справедливости ради надо, однако, сказать, что однажды Олег Дмитриевич предложил ей свободу в обмен на одну простенькую услугу, вот только Дарья Кирилловна предпочла скорее послать нахала восьмизетажно и пойти на нары, чем марать свое тело, личность и репутацию

как в тюрьме, так и на свободе. Киселева, как и Назаров, тоже принадлежала к числу тех несчастных, чье дело находилось под личным надзором Самохина. Дарью Самохин выставил чуть ли не маньячкой; она обвинялась в убийстве из хулиганских побуждений, хотя на самом деле убила человека в состоянии аффекта, защищаясь. У Дарьи ранее уже были проблемы с законом: первый раз, лет десять назад, она была осуждена на семь с половиной лет с конфискацией за большую экономическую махинацию. Отсидела шесть, освободилась по амнистии и вскоре вышла замуж. Сейчас она читала любовный роман, и когда надзирательница ей сообщила, что к ней пришли, Дарья отложила книгу и вскинула на вертухайшу удивлённые, строгие глаза. Дарья вообще была хороша собой: шатенка с матовой кожей и властным взглядом. Она не курила и за это, видимо, заслужила уважительное к себе отношение со стороны сокамерниц. К тому же она была отнюдь не глупа, поэтому к известию о посетителе отнеслась настороженно:

– Кто?

– Иди, и увидишь.

Дарья медленно спустилась со второго яруса кровати и в сопровождении надзирательницы пошла в комнату для свиданий.

Самохин сидел на стуле, уперевшись в кулак. Увидев Дарью, поднялся в знак приветствия:

– Здравствуйте, Дарья Кирилловна.

Она посмотрела на Самохина высокомерно, присела.

– Вот это гости! Сам прокурор округа! Но на вашем месте, Олег Дмитриевич, я бы не стала обращаться так повествовательно к подследственной, которая по вашей (на этом слове Дарья сделала особый акцент) милости находится в этом месте. Вам следовало бы задать вопрос: «День добрый, Дарья Кирилловна?», а уж я бы вам ответила, уважаемый Олег Дмитриевич!

– Я пришёл кое-что сказать вам, Дарья Кирилловна... – И, задержав на пару минут взгляд на лице Киселёвой, добавил: – Хорошо выглядите сегодня, Дарья Кирилловна.

– Как раньше или как всегда? Надеюсь, господин прокурор, вы здесь не для того, чтобы сыпать в мой адрес комплименты?

– Я хочу освободить вас из-под стражи и помочь вам избежать суда, который над вами должен скоро состояться.

– Вы хорошо подготовили свою речь, господин обвинитель, – язвила Дарья.

– Вы меня что, не поняли?

– Естественно. Сытый голодному или гусь свинье не товарищ.

– Я пришел сюда ни сам шутить, ни слушать ваши шутки. До суда над вами – три недели времени, однако его может вообще не быть, и это вполне в вашей власти. Только одна услуга...

Женщина резко вскочила с места и прошипела Самохину

в самое лицо:

– Пусть тебе услугу медведь оказывает, а мне блатные законы важнее!

Она была страшна в гневе, только Самохин ее не боялся, а, напротив, даже повысил голос:

– Киселева, сядьте!

– Спасибо, гражданин прокурор, я постою.

– Я дам вам денег и помогу бежать. Не только из изолятора, а из страны вообще. Вы даже не сбежите: вы просто уйдете.

Киселева оторопела:

– Что я слышу? И это мне предлагает сам прокурор? Прокурор? Хм... Где ж ты раньше был? – Она тоже повысила голос. – Я больше полугода кисну в этих стенах, мой адвокат не раз ходатайствовал мне об изменении меры пресечения, обращался даже в суд, но ты оставался глух к его стараниям, и суд почему-то его просьбу постоянно отклонял. Почему? Ты себе и суд подчинил, да?

– Попрошу мне не тыкать, уважаемая, – рассердился Самохин.

– Но знаешь, что самое интересное? Что сейчас я тебе верю. – Дарья нахмурилась. – Что тебе нужно, Самохин? Не ту ли самую медвежью услугу я должна тебе оказать?

– Ту самую. Но я прошу обращаться со мной как положено, на «вы».

– А зачем? Вы просите близких отношений, но представь-

те себе, как они будут выглядеть на фоне официального обращения.

– Ладно, как вам угодно. Но я не ошибаюсь – вы согласны? – Самохин не верил сам себе.

– Да, я согласна. Я принимаю ваше предложение: уж очень много и красиво вы мне наобещали. Но цена моей услуги должна вложиться в такую сумму, чтобы мне хватило улететь куда-нибудь далеко.

– Я вам заплачу, сколько скажете, – заверил Самохин.

– Тогда примите и вы мое условие, товарищ прокурор. – Дарья полюбовалась своими наманикюренными пальчиками.

– Какое?

– Деньги за эту ночь вы мне заплатите вперед. Иначе я не согласна.

– Завтра, я вам обещаю, вы выйдете на свободу и придете ко мне на прием. В любое время.

– Это все? – хмуро спросила Дарья.

– Пока – да.

– В таком случае я пошла. – И напоследок удостоила Самохина неласковым взглядом.

Глава 6

После полудня следующего дня Дарья Киселёва была освобождена из-под стражи. На воле ее встретила холодная осень и серые дожди. Только начался ноябрь. У ворот изолятора Дарья почему-то ожидала увидеть Самохина, но, не

увидев, вздохнула свободно.

Автобус уносил ее на Волгоградский проспект, где дома ждет ее мама, а муж на работе. В личных вещах Дарьи, которые ей вернули по выходе на свободу, были ключи от квартиры. Дарья открыла дверь, тихонько разделась и неслышно прошла в спальню к маме.

Мама спала. Дарья присела возле ее кровати на корточки и несколько раз погладила по голове, поцеловала. Мать зашевелилась и быстро проснулась.

– Кто здесь? – сонным голосом спросила она.

– Здравствуй, мама, – широко улыбалась Дарья.

– Кто это?

– Я, мама, я.

– Даша, ты, что ли? Не может быть! Ты ж в тюрьме была...

– Была, мама, да выпустили. Самохин выпустил меня, мама. Он мне меру пресечения изменил.

– Не может быть! Господи! – заплакала мама и крепко обняла дочку. – А мне с тобой даже видеться не разрешали.

– Это нельзя, правда. Можно только письма и передачи.

Так сидели они, молча и обнявшись, минут пять. Потом Дарья сказала:

– Mamочka, мне надо позвонить, ты погоди немного, хорошо?

Звонила она на сотовый.

– Добрый день, Павел Егорович, это Киселева беспокоит. Откуда я звоню? Из дома, с квартиры на Волгоградском про-

спекте. Что я тут делаю? Маму обнимаю. Паша, ты можешь сейчас ко мне приехать? Да, именно сейчас. Слушай адрес...

Адвокат Становенко прибыл по просьбе своей клиентки очень скоро. С собой он привез легкий букетик осенних цветов.

– Это тебе, Даша. Прими, пожалуйста, мой скромный подарок. С возвращением на свободу.

– Спасибо, – ответила она, однако, равнодушно принимая букет. – Я мигом, а ты проходи в зал, не стесняйся.

Поставив цветы в воду, Дарья вернулась и рассказала адвокату и маме об истории своего освобождения.

– ...так что у нас с Самохиным как бы сделка. Он принял мои условия, я – его. Но я не собираюсь спать с ним, у меня нет такого желания, понимаете? Я хочу его обмануть: получить деньги и уехать куда-нибудь.

– Куда ты поедешь? – остановил ее Становенко. – Это ж виза ж нужна, тебе ж не дадут.

– Лишь бы Самохин в розыск не подал, а я согласна, – недолго колебалась Дарья.

– Хорошенькие дела, черт возьми: постель с прокурором в обмен на свободу, – хмыкнул Становенко.

– Да, Паша, именно так. Знаешь, он ведь и в первый раз предлагал мне то же, и если б я тогда согласилась, в изолятор вообще бы не попала.

– Даша, ты хоть меня в курсе держи, – настаивал Становенко. – А я, в свою очередь, буду информировать тебя и

скажу, какие меры принял Самохин в связи с твоим побегом от него.

– И если можно будет, – сказала Даша матери, – Паша сообщит мне, можно ли мне будет позвонить вам с Сережей.

– А писать ты будешь? – опять заплакала мать.

Дарья и Становенко переглянулись, адвокат подал Киселёвой какие-то лишь ей одной понятные жесты. Даша обняла мать.

– Понимаешь, мамочка, ради собственной безопасности вы с Сережей не должны знать, где я буду. Так, на всякий случай, если вдруг возьмутся допрашивать.

– ...чтоб вы не проговорились, – подсказал Становенко. – Даже я не буду знать, где находится Даша. Я только могу вам сообщать, что мне она звонила и докладывала о себе. Поверьте, я очень хочу помочь вашей дочери. Помочь во всем и, главное, не допустить, чтоб она снова оказалась в тюрьме.

– Мамочка, а теперь нам пора. Самохин ждет меня сегодня.

Крепко обнявшись на прощание, мать благословила дочь на дальнюю дорогу и села у окна смотреть, как Даша покидает ее.

Дарья и Павел Егорович вышли на крыльцо. Становенко подвел ее к своей машине. Садясь в салон, Киселева инстинктивно обернулась на свое окно. Мать махала ей рукой. Даша помахала в ответ, и машина тронулась со двора.

В ближайшем же киоске радиодеталей Павел Егорович ку-

пил маленький карманный диктофон и кассету и вернулся к Дарье.

– Скажи, Даша, а ты веришь, что Самохин заплатит тебе, как обещал?

– Теперь верю. Вчера он обещал мне, что сегодня я выйду на свободу, – и вот, я вышла.

– Дашутка, предложение, которое тебе сделал Олег Дмитриевич, вполне в его духе, а ты сочла возможным – даже полезным – не отказаться от него. Правильно сделала. А обещание свое сдерживать не хочешь. Тоже справедливо. Держи это, – Становенко протянул ей диктофон.

– Зачем?

– Объясняю: ты идешь к Самохину, берешь у него деньги и договариваешься об *этом самом*. А вот это, – Павел Егорович ткнул в диктофон, – осторожно включишь во время вашего разговора: придет время, и информация, записанная на этой пленке, станет важным компроматом и вещдоком.

– Неужели такой день когда-нибудь наступит?

– Будем надеяться, Дашутка. Но, сказать по правде, я давно подозреваю, что Самохин Олег Дмитриевич... как бы это сказать? Словом, что есть факты, на основании которых его самого можно было бы привлечь к уголовной ответственности. И, возможно, на солидный срок.

Наконец, машина притормозила у здания прокуратуры ЮВАО.

– Диктофон положи в карман и иди, – проинструктиро-

вал адвокат Киселеву в последний раз, – а я буду ждать тебя здесь.

Глава 7

Когда Дарья Кирилловна явилась в приемную прокурора, секретарь Самохина Анастасия Викторовна Щукина беседовала по телефону и что-то параллельно записывала в журнал. Увидев посетительницу, Щукина дала ей знак чуточку подождать, можно и в приемной. Дарья опустилась на стул. Через минуту-полторы Щукина освободилась и, наконец, занялась Дарьей.

– Вы к Олегу Дмитриевичу?

– Да.

– Как о вас доложить?

– Скажите Олегу Дмитриевичу, что пришла я, – представилась Дарья.

– А кто вы?

– Он поймет, кто я. Я здесь по его собственному приглашению. Он хотел меня видеть.

– Хорошо. – Анастасия Викторовна встала со стула, но на Дарью бросила странный взгляд. – Олег Дмитриевич, – открыла она дверь к прокурору, – там к вам женщина, просила сказать, что пришла *она*.

Самохин мгновенно догадался, кто скрывается за этим «она».

– Немедленно пригласите ее! – Он даже заволновался.

Дарья вошла. Самохин тут же закрыл за нею дверь на ключ и хотел помочь ей раздеться, но женщина отстранила его.

– Не стоит беспокоиться, товарищ прокурор, мне не душно. – И отошла в сторону, щелкнула кнопкой диктофона.

– Разговор ожидается долгим, вы можете запариться, а потом застынете и простудитесь.

– Не ваше дело, – грубо сказала Дарья.

Самохин смело обнял Дарью за талию.

– Я же сказала, чтоб ты не лез! – громко повторила Киселёва. – Я еще не твоя!

– Не ори, нас могут услышать, – испугался Самохин.

– Вот и замечательно! Пусть слышат, пусть знают, с кем работают. Я пришла за деньгами. Если ты помнишь, мы договорились, что я получу их вперед, – она сделала ему саечку.

– Одну минуту, – поцеловал Самохин ее в губы.

Дарья скорее утерла губы и внимательно следила за движениями прокурора. Тот открыл шкаф возле стола и достал оттуда дипломат. Едва он был открыт и Даша увидела несколько рядов долларов, ее глаза медленно, но верно расширились. «Откуда у него столько?» – попутно подумала она.

Самохин взял пять пачек.

– Пожалуйста, держи. Здесь ровно пятьсот.

– И только? Ты полагаешь, я смогу куда-нибудь уехать за такую сумму? – в вопросе Дарьи явственно отпечатались на-

смешка.

– Это аванс, а остальную сумму ты получишь после того, как я получу свое.

– Ч-черт! – тихо вырвалось у Дарьи. «Но до Сахалина долететь мне хватит», – про себя решила она. И протянула руку к деньгам.

– Ладно, давай. Но ты не учел еще кое-что.

– Что еще?

– Добраться до места – только ползадачи. А на гостиницу, а жить я на что буду поначалу? Не думаешь ли ты, что я и там стану себя продавать?

Самохин, не возражая, отсчитал еще пятьсот.

– Ну, а после исполнения договора твоей стороной я заплачу тебе еще тысячу, но не раньше. Сейчас же давай договоримся о месте и времени – пришёл час...

Договорились на завтра на десять вечера в квартире Самохина, после чего Даша покинула кабинет развратного прокурора, а следом и его заведение. Становенко, как обещал, ждал ее во дворе прокуратуры.

– Ну, как все сошло?

Киселева рассказала.

– Да, это очень интересно. Прокурор сорит деньгами. Валютой. Откуда у него столько? – поразился и адвокат.

– Вот и я о том же.

– Докопаемся, Дашук. Ты сделала, о чем я тебя просил?

– Сделала. – Она отдала диктофон и ленту с записью.

– Отлично. Ну, а его не смутили твои ставки, когда ты стала намекать, что пятьсот баксов мало?

– Не поняла...

– Ну... другой бы мужик на его месте просто отказался бы от своей затеи – это же нормально: за двадцать минут удовольствия платить такую цену.

– Что ты! Он еще и доплатил, и еще обещал. Настроен решительно.

– Да-а, это уже не просто «хочу». Короче, все с ним ясно. Тебя куда везти?

– В аэропорт. Теперь я на свою безвизовую дорогу вот так обеспечена.

Глава 8

– Она обманула меня, обманула, паразитка! – бушевал утром Самохин, в ярости смахнув со стола гору папок и бумаг. – Я, как идиот, прождал ее весь вечер, а она не явилась! Нахалка какая! Скрылась! Ушла на волю и исчезла!

– Подай в розыск, объяви ее беглой, – подсказал присутствовавший рядом Пономарев. Он давно уже был верным слугой Самохина, таким прокурорским прихвостнем, а никак не подчиненным. Вдвоем они походили на тигра Шерхана и шакала из истории про Маугли.

– Ты меня не учи, – бесился Самохин, – я сам знаю, что мне делать!

Пономарев решил, что ему лучше уйти, шеф сейчас не в

духе. Оставшись один, Самохин позвонил Кате Назаровой.

– Катерина Александровна? Здравствуйте.

– Здравствуйте. С кем я говорю?

– Вы меня уже забыли? Это прокурор Самохин, Олег Дмитриевич.

– Ах, Олег Дмитриевич... Наконец-то вы позвонили, а я то я уже думала сама вам звонить.

– Приятно слышать. Я хочу сказать, что... Простите, я вас от работы не отвлекаю?

– Нет, все хорошо, продолжайте. Так что вы хотите?

– Хочу сказать, что сегодня я напишу обращение к начальнику УИН, чтобы он позволил вам увидеть мужа. Причину я уже придумал. Но вы сможете сегодня к шести часам подойти к прокуратуре?

– Смогу вообще-то... – Катя удивилась.

– Отлично. Тогда я вам и отдам обращение, потому что завтра я буду на суде, вы меня не застанете.

– Хорошо, Олег Дмитриевич, я приеду. До вечера.

У здания окружной прокуратуры Катя появилась около шести. Одета она была обыкновенно, соответственно осенней погоде. Только голову покрыла тонким платочком.

Она не заметила, как вышел Самохин, как он стал возле нее. Услышала лишь его слова:

– Я не сомневался, что вы придете. – Самохин был очень доволен, но Кате он показался странным.

– Да, пришла. Вы же сами пригласили.

– Помню, Катерина Сановна, давайте отойдем в сторонку, а то мы здесь на виду у моих коллег. Вдруг подумают еще чего. Мне от одной такой мысли уже неуютно.

Они прошли метров тридцать и остановились под большим тополем.

– Вы такая женщина красивая... – Самохин коснулся ее щеки. Катя отстранила его руку.

– Когда я смогу увидеться с Володей?

Самохин ее как будто не слышал и гнул свое:

– Не понимаю, как ваш муж отважился совершить такое тяжкое преступление и оставить вас одну на такой длительный срок, который ему грозит.

– Олег Дмитриевич, я прошу вас... Меня ваши комплименты ставят в неловкое положение.

– Что именно вас смущает?

– Ваша должность. Все-таки вы представитель власти, одеты в служебное... Я не привыкла.

– Извините, – остыл Самохин, – я не сдержан. Работа такая.

– А по-моему, прокурор наоборот должен контролировать свое поведение.

– Юридически вы выразились не совсем правильно.

– Не важно. Мы ведь говорим не об этом. Я еще раз спрашиваю, когда я увижу мужа?

– Хорошо. Раз вам так не терпится, я скажу прямо: чтобы его увидеть, вы должны стать моей на одну ночь. Больше мне

ничего не надо.

Катя, постояв с минуту огорошенная, размахнулась и вцепилась Самохину оплеуху.

– Подонок, – вскрикнула Катя, – как ты смеешь?

– По-моему, я прошу не много, – невозмутимо продолжал Самохин.

– Да кто ты вообще такой, чтоб ставить мне условия? Видеть мужа – мое право, которое не тобой писано и не тебе им распоряжаться!

– А это видела? – Самохин показал Кате машинописный лист с текстом в виде заявления. – Это обращение к Литвинову, но ты получишь его только после того, как выполнишь мою просьбу. Отказаться от моего предложения ты можешь, но тогда я сделаю жизнь твоего мужа в изоляторе невыносимой, так что ты сама прибежишь ко мне за помощью, а он для себя на суде сам будет просить расстрела.

– Негодяй!

– А это уже оскорбление представителя власти, – угрожающе отметил Самохин, – я и против тебя дело заведу!

– Давай, заводи! Это все, что ты только и умеешь – заводить дела да арестовывать без видимых причин! Ты творишь беззаконие, Самохин, ты и все, кто под тобой ходят! Боже мой, неужели ты и от других женщин, подвластных тебе, требуешь того же?

– Требую, а как же? И требовал, и буду требовать! Но они, кто истинно знали, чего хотят, всегда отвечали согласием.

Судя же по твоему агрессивному поведению – совсем, кстати, неадекватному на предложение, я допускаю возможность заключить, что ты к судьбе мужа равнодушна.

Катя снова ударила подлеца: на этот раз сумочкой, собравшись с силами, по голове, подставив ему в то же время подножку. Самохин шлёпнулся в лужу, испачкал дорогое пальто. Катя толкнула ногой его в грудь и побежала без оглядки.

Метров через сто она остановилась за углом дома и оттуда стала наблюдать за тем, что Самохин будет делать дальше. Но того уже и след простыл: он давно вылез из лужи и взял такси до дома.

Глава 9

Катя знала, что фактически совершила преступление, но последствия содеянного не пугали ее. Наоборот, ее даже прельщала возможность самой оказаться в тюрьме: раз уж ей не дают видеться с мужем, который в неволе находится по ложному обвинению, то она будет в том же месте, только за содеянное умышленно противоправное деяние.

Дома она открыла шкаф, готовая к тому, что за ней придут и, возможно, сегодня, а значит, надо взять с собой какие-то вещи. И, выбирая их, она вдруг вспомнила, что ведь у Володи на смену там тоже ничего нет. От этой мысли Кате стало горько, она на всякий случай отобрала вещи и для него. А потом позвонила маме.

– Мамочка, здравствуй, это я. Как твои дела, родная? Приятно слышать. Мамуля, ты не могла бы сейчас приехать ко

мне? Я понимаю, что уже поздно, но я боюсь сегодня ночевать одна. Я сделала кое-что нехорошее... Нет, мама, ты не пугайся, это не так страшно, просто случилась нехорошая история. Я просто одному властному человеку дала сдачи. Мам, я тебе потом все расскажу, договорились? Ну все, мам, жду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.